

**Драгоманов Михаил Петрович,
Антонович Владимир Бонифатьевич.**

**Исторические песни
малорусского народа С
объяснениями Вл.
Антоновича и М.
Драгоманова**

**Том 2. Вып. 1. Песни о борьбе с
Поляками при Богдане
Хмельницком**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Д72

Д72 **Драгоманов Михаил Петрович**
Исторические песни малорусского народа С объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова: Том 2. Вып. 1. Песни о борьбе с Поляками при Богдане Хмельницком / Драгоманов Михаил Петрович, Антонович Владимир Бонифатьевич. – М.: Книга по Требованию, 2022. – 180 с.

ISBN 978-5-518-05702-9

ISBN 978-5-518-05702-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Второй томъ издаваемаго сборника долженъ обнимать 2-й и 3-й отдѣлы II части, т. е. *пѣсни въѣха козацкаго: о борьбѣ съ Поляками при Хмельницкомъ и пѣсни о гетманщинѣ съ 1657 по 1709 годъ*. Онъ былъ приготовленъ къ изданію еще осенью прошлаго года. Но въ это время въ распоряженіе издателей поступила огромная масса пѣсенъ разнаго рода изъ рукописей М. А. Максимовича, А. В. Маркевича, Д. С. Носа, Манджуры, Л. С. Мацѣевича и М. А. Ганицкаго, А. О. Шевченка, Ст. Стрѣльбицкаго, Я. Новицкаго и др.

Пѣсни эти разобраны по отдѣламъ и переданы для обработки и изданія въ Юго-Западный отдѣлъ Импер. Р. Географ. Общества, кромѣ пѣсенъ *политическихъ, или историческихъ*, которыя приобщены къ готовой уже коллекціи нашей. Сведеніе вмѣсто бывшихъ у насъ уже варьянтовъ съ новопоступившими требуетъ столь мелочной и кропотливой работы, что мы рѣшились издать второй томъ по частямъ, чтобъ не задерживать готоваго уже въ типографскихъ складахъ, тѣмъ болѣе, что каждая часть имѣетъ и самостоятельный интересъ.

Въ настоящемъ выпускѣ читатели имѣютъ, такимъ образомъ, *пѣсни о борьбѣ съ Поляками при Хмельницкомъ*. Сословно-козацкіе, религіозные, національные и народно-экономическіе мотивы этой борьбы достаточно

извѣстны и неспеціалистамъ. Борьба началась не при Хмельницкомъ, а гораздо раньше. Но любопытно, что народная память не сохранила намъ вовсе пѣсенъ о чисто-козацкихъ возстаніяхъ противъ Поляковъ, имѣвшихъ цѣлью добыть реестровымъ козакамъ права шляхтичей, а нереестровымъ права первыхъ, каковы были возстанія Коссинскаго (1592), Лободы и Наливайка (1596) и даже послѣдующихъ: 1620 г., возстаніе Тараса Трясила (1630), Павлюка (1637), въ которыхъ уже социально-крестьянскій элементъ сталъ принимать большое участіе, ни даже о возстаніи Острянина и Гуни (1638), уже чисто крестьянскомъ. Не сохранилось и пѣсенъ о такомъ лицѣ, какъ гетманъ запорожскій Петръ Сагайдачный, (1606—1622), при которомъ козачество рѣшительно вступаетъ въ дѣло религіозной борьбы противъ Уніи.

Всѣ пѣсни о борьбѣ съ Поляками отъ временъ Наливайка до Хмельницкаго, помѣщенныя въ сборникахъ Срезневскаго (Запорожская Старина), Максимовича (см. особенно сборникъ 1834 г.), Метлинскаго и др., и много рукописныхъ, которыя мы нашли въ бумагахъ Максимовича и Мартынова, кажутся намъ, послѣ приложенія критики, поддѣльными. Таковы, напр.:

1) Дума о смерти Богданка и о дарахъ Стефана Баторія козакамъ,—въ которой высказываются новѣйшія желанія польской шляхты о союзѣ съ козаками противъ Москвы (Запор. Старина, 77).

2) Цѣлый рядъ думъ о Наливайкѣ—„Кравчинѣ“ въ Запор. старинѣ и у Максимовича 1834.

3) О Чураѣ—тамже.

4) О Сулимѣ и Лободѣ—тамже.

5) Дума о трехъ полководцахъ—тамже.

6) О кошевомъ Тетерѣ и его сынѣ.

Подробныя доказательства ненародности этихъ думъ и пѣсенъ будутъ, какъ сказано въ предисловіи къ первому тому, приложены въ концѣ изданія вмѣстѣ съ заподозрѣнными думами и пѣснями. Общія соображенія о такихъ думахъ и пѣсняхъ высказаны въ пред. къ I тому; много вѣскихъ замѣчаній по этому предмету находится въ статьѣ г. Костомарова. (Вѣстн, Евр., 1874 г. кн. XII).

Только изъ временъ Хмельницкаго, когда возстаетъ противъ польскихъ порядковъ масса народа, по причинамъ соціально-экономическимъ, когда широко по обѣ стороны Днѣпра вспыхнула крестьянская война противъ шляхетско-жидовскаго хозяйства—до насъ дошло много несомнѣнно-народныхъ не только пѣсенъ, но и думъ. Думы, по всей вѣроятности, обязаны первоначально своимъ происхожденіемъ козакамъ, но думы временъ Хмельницкаго приняли сильно крестьянскій характеръ. Въ сферѣ чисто-козацкихъ да религіозныхъ интересовъ вращаются только думы о Хмельницкомъ и Барабашѣ, о походѣ въ Молдавію да о смерти Хмельницкаго. Въ остальныхъ выступаютъ на видѣ общенародные соціально-экономическіе интересы, къ которымъ привязаны національные (слабѣе) и религіозные (сильнѣе). Любопытно, что болѣе козацкія думы отражаютъ въ себѣ и болѣе неприкрытаго грабительскаго побужденія (№ 1, 2, ст. 164, В, 135. № 14). Пѣсни же, какъ общенародная, а не кобзарская только форма поэзіи, прославляютъ преимущественно Перебѣйноса и Нечая, какъ наиболѣе ревностныхъ защитниковъ крестьянскихъ интересовъ среди сподвижниковъ Хмельницкаго.

При такомъ, преимущественно соціально-экономическомъ характерѣ народныхъ пѣсенъ и даже думъ о времени Хмельницкаго, — государственная сторона со-

бытій этой эпохи оставлена народомъ безъ вниманія до такой степени, что даже о переходѣ Малороссіи изъ подданства королѣмъ польскимъ въ подданство царямъ московскимъ не осталось ни одной пѣсни. Та, которая приведена въ приложеніи къ 3-му изданію „Войдана Хмельницкаго“ г. Костомарова, подъ названіемъ „Присоединеніе Украины къ Россіи“ (№ 35), „Зажурилась Украина, що нігде ся діти“,—не можетъ быть, по нашему мнѣнію, отнесена къ эпохѣ Хмельницкаго. Въ ней видимъ во всѣхъ варьянтахъ слова: „ой служив я бусурману, — а тепер буду служити Восточному Царю,“ — слова, указывающія на эпоху Дорошенка, который поддавался Туркамъ. Хмельницкій же не былъ слугою ни Турокъ, ни Татаръ. Притомъ же во всѣхъ почти варьянтахъ этой пѣсни находится упоминаніе о Голицынѣ, что тоже говоритъ за составленіе пѣсни гораздо послѣ Хмельницкаго. Упоминаніе о засвидѣтельствованномъ актами желаніи козаковъ если не поддаться Москвѣ, то выселиться въ Московскія земли (Слободскую Украйну) встрѣчаемъ только въ думѣ № 16, вар. В., ст. 38 въ такой формѣ: „звели нам під москалів тікати, або звели нам з ляхами великий бунт зривати!“

Но если въ народныхъ пѣсняхъ, дошедшихъ до насъ посредствомъ устной передачи, эпоха Хмельницкаго представляется намъ преимущественно въ духѣ крестьянскомъ, — то въ современныхъ ей виршахъ грамотеевъ, при всемъ сходствѣ многихъ ихъ мотивовъ и выраженій съ пѣсенными, господствуетъ другой духъ: козацкій и даже мелкошляхетскій демократизмъ съ роялистическимъ отѣнкомъ; выдающееся чувство здѣсь, кромѣ религіознаго и отчасти національнаго, — антипатія къ магнатуству и его гордости, которая ни во что ставитъ и самого короля.

Вотъ почему напечатанныя у насъ въ приложеніяхъ вирши вдвойнѣ интересны: выражая взглядъ на событія тогдашнихъ козацкихъ и православныхъ мелкошляхетскихъ грамотеевъ, онѣ въ то же время оттъѣняютъ собственно народное отношеніе къ борьбѣ Хмельницкаго съ польскою аристократіею.

Настроеніе третьяго элемента тогдашняго малорускаго общества, духовенства, выражается виршами въ честь Сагайдачнаго и драмой „Милость Божія,“ которыя мы привели здѣсь, имѣя въ виду собрать вмѣсто главное, что поэтически воспроизводитъ великую борьбу малорускаго элемента съ польскимъ за половину XVII в., — тѣмъ болѣе, что и въ этихъ произведеніяхъ образованныхъ духовныхъ есть много общаго съ народною пѣснію. Понятно, что здѣсь на первомъ планѣ интересы религіозныя, и что самая борьба Сагайдачнаго противъ Турокъ и Татаръ, а Хмельницкаго противъ Поляковъ, тутъ получаетъ религіозное освѣщеніе въ большей степени, чѣмъ въ народныхъ пѣсняхъ. Въ то же время въ драмѣ „Милость Божія,“ видно гораздо болѣе и національнаго сознанія отдѣльности отъ Поляковъ, чѣмъ въ народныхъ пѣсняхъ и даже въ козацкихъ виршахъ. Последнее впрочемъ объясняется и тѣмъ, что драма писана спустя слишкомъ семидесятилѣтней принадлежности Украины Московскому государству.

И эпоха Хмельницкаго не обошлась безъ поддѣльныхъ пѣсень. Таковы 3 думы о битвѣ Жванецкой, найденныя нами въ бумагахъ Максимовича; дума о походѣ на Жолтыя Воды, напечатанная въ „Ужинкѣ рідного поля“ М. Г. (стр. 279); одна дума на смерть Хмельницкаго, найденная въ бумагахъ Мартынова и другая, (Ой пішла тяжка жалъ недоля да по всій Україні), напечатанная

въ Запорожской старинѣ. Глаже многихъ другихъ написанная дума эта, хотя и съ неправильностями въ языкѣ (*жаль* женскаго, а не мужескаго рода, *рабую* вм. *раджу* и т. п.) желаетъ выставить душеприкащикомъ Хмельницкаго *вѣрнаго* Москвѣ Пущкаря, а не *измѣнника* Выговскаго, какъ было на самомъ дѣлѣ и какъ говорить общезвѣстная, напечатанная у насъ дума, (№ 18).

Въ заключеніе не можемъ не выразить нашей благодарности многочисленнымъ рецензіямъ, которыя были сдѣланы первому тому нашего сборника какъ въ нашихъ, такъ и въ иностранныхъ изданіяхъ, и которыхъ замѣчанія были намъ полезны даже и въ томъ случаѣ, если они и не могли заставить насъ измѣнить наши выводы. Таковы въ особенности рецензіи гг. Ив. Новицкаго (Кіевлянинъ 1874 № 100), Ал. Веселовскаго (С.-Пет. Вѣд. 1874 окт.), Н. П. (въ Трудахъ Кіевск. дух. Академ.), галицкихъ журналовъ „Правда“ (1875 1—3 №), и „Другъ“ (1875, № 10) Н. И. Костомарова (Вѣстникъ Европы 1874 № 12), а также поправки текста и замѣчанія П. А. Кулиша въ сочиненіи „Исторія Возсоединенія Руси“, и О. Θ. Миллера въ статьѣ „Малорусскія Народныя думы и Кобзарь Остапъ Вересай“ въ „Старая и Новая Россія“ 1875, № 3. Мы были бы несправедливы, если бы не вспомнили рецензій г. v. v. въ „Rivista Europea,“ (1875 № 12), и писателя, котораго анонимъ мы должны уважать въ „Saturday Review“ (1875, Май), и статьи г. Альфр. Рамбо въ „Revue des deux Mondes“ (1875, 15 Juin) L'Ukraine et ses chansons historiques,—которыя сдѣлали первые опыты популяризаціи темъ южнорусской народной поэзіи въ романскихъ земляхъ и въ Англіи.—

Мы очень благодарны г. Новицкому и автору рецензіи въ „Правдѣ“ за указаніе неизвѣстныхъ намъ или

появившихся послѣ печатанія нашего сборника варьянтовъ, рецензенту „Друга“ за корректурныя и діалектическія поправки ¹⁾, г. Весселовскому за доказательство, что легенда о Золотыхъ Воротахъ не имѣетъ ни историческаго, ни спеціально-русскаго характера, — хотя безусловно не можемъ согласиться съ его мнѣніемъ объ исключительно христіанскомъ происхожденіи колядокъ, равно какъ и съ міѳологическимъ толкованіемъ многихъ нашихъ пѣсенъ г. Н. П.; Н. И. Костомарову за подробное обсужденіе вопроса о поддѣльныхъ думахъ и пѣсняхъ, котораго

¹⁾ Мы получили также особенно цѣнныя для насъ поправки и замѣчанія въ письмѣ отъ г. Головацкаго, касающіяся галицко-карпатскихъ пѣсенъ. Вообще мы должны замѣтить, что главная цѣль нашего сборника историческая, а не лингвистическая, и что мы лишь приблизительно передаемъ діалектическія особенности печатаемыхъ у насъ варьянтовъ. Варьянты эти, записываемые и печатаемые въ теченіи 40 лѣтъ разными шрифтами, записанные собирателями разной, большей частью невысокой степени, филологическаго образованія, разныхъ понятій о правописаніи, далеко не всегда могутъ быть представлены у насъ со всѣми звуковыми особенностями мѣстнаго произношенія. Особенно это надо сказать о галицкихъ варьянтахъ. — какъ по причинѣ разнообразія галицко-карпатскихъ говоровъ, и по разнообразію изображенія ихъ, начиная отъ польскаго шрифта, у собирателей, (какъ потому, что издатели, Паули, Головацкій и др.) часто сводили нѣсколько варьянтовъ изъ разныхъ мѣстъ и говоровъ въ одинъ, такъ и потому, что галицкая правопись большею частію маскируетъ различные звуки: *i* (острое) (сѣвъ. сѣвъ) — *i* (идь, їдь), *i* (острое) и (среднее, украинское) и *ы* (совсѣмъ дебелое, великорусское). Вообще мы убѣдились, что, не зависимо отъ всѣхъ до сихъ поръ сдѣланныхъ сборниковъ малор. нар. словесности, имѣющихъ преимущественно *бытовое* и *литературное* значеніе, необходимо предпринять совершенно отдѣльное, спеціально *лингвистическое* изданіе, которое бы дало образцы парѣчій и говоровъ малорусскихъ. подобное изданію Фирмениха *Deutschlands Völkerstimme*. Но для такого изданія необходимы особыя изслѣдованія, произведенныя по одному условленному плану и системѣ, за разъ, въ короткое время. —

мы могли пока только коснуться въ предисловіи ¹⁾, а также за сравнительное изслѣдованіе напечатанныхъ у насъ варьянтовъ думъ о Самойлѣ Кішкѣ, Марусѣ Богуславкѣ и Иванѣ Богуславцѣ съ тѣми, которыя были въ исключительномъ распоряженіи г. Костомарова. Мы считаемъ только необходимымъ въ отвѣтъ замѣчанія г. Костомарова относительно выбора и раздѣленія нами пѣсенъ, сказать, что, какъ это оговорено нами въ предисловіи къ I тому, предметъ нашего сборника составляютъ только пѣсни, обнимающія исторію *общественнаго* быта, или *политическія*, — иначе намъ пришлось бы издать всѣ пѣсни малорусскія, такъ какъ всѣ онѣ составляютъ матерьялъ для исторіи какой нибудь стороны быта: религіозной ли, семейной ли, личной и т. п. Считаемъ также необходимымъ сказать, что разборъ рукописей, доставленныхъ послѣ напечатанія I тома, убѣдилъ насъ въ томъ, что помѣщенный тамъ варьянтъ думы объ Иванѣ Богуславцѣ вовсе не есть записанный дословно изъ устъ пѣвца, а весьма вольная передача по памяти, слѣланная этнографомъ. Такимъ образомъ пока остается единственнымъ подлиннымъ варьянтомъ этой думы изложенный въ вышеупомянутой статьѣ г. Костомарова и сообщенный ему проф. А. А. Котляревскимъ изъ собранія И. П. Котляревскаго.

Упомянутое объ этомъ собраніи заставляетъ насъ сказать два слова еще объ одной рецензіи на I томъ

¹⁾ Рассмотрѣніе нами черновыхъ бумагъ и переписки многихъ собирателей прежняго времени еще болѣе убѣдило насъ въ справедливости нашихъ и г. Костомарова соображеній о томъ, какъ безцеремонно, особенно въ 30-е годы многіе даже почтенные „собиратели“ исправляли народныя пѣсни и думы и выдавали сочиненныя за народныя.—

нашего изданія, о которой иначе не слѣдовало бы говорить, такъ какъ весьма трудно понять, какихъ *теоретическихкихъ* цѣлей желалъ достигнуть авторъ ея. Это рецензія въ „Голосѣ“,—въ которой между прочими намъ дѣлается упрекъ за неправильное заявленіе о томъ, что будто намъ передали свои собранія Н. И. Костомаровъ и П. А. Кулишъ,—между тѣмъ какъ г. Костомаровъ *забылъ* передать намъ тѣ варьянты, о которыхъ говоритъ въ „Вѣстникѣ Европы“, а г. Кулишъ печатаетъ цѣлый свой сборникъ въ приложеніи къ „Исторіи Возсоединенія Руси“.—Г. Костомаровъ не забылъ передать намъ своихъ варьянтовъ,—а не передалъ намъ тѣхъ, которые были даны исключительно въ его пользованіе, и не для напечатанія, проф. Котляревскимъ; г. же Кулишъ напечаталъ въ „Ист. Возс. Руси,“ вовсе не свой сборникъ, а нѣсколько пѣсенъ и думъ, какъ образцы,—при чемъ беретъ ихъ не только изъ прежнихъ сборниковъ своихъ,—которые онъ предоставилъ намъ,—но и изъ нашего изданія, въ чемъ могъ бы легко убѣдиться рецензентъ, если бъ онъ сколько нибудь внимательно взглянулъ на изданія г. Кулиша и наше.

Два изданныя теперь отдѣла пѣсенъ козацкаго вѣка (о борьбѣ съ Турками и Татарами и о борьбѣ съ Поляками при Хмельницкомъ) заключаютъ въ себѣ почти всѣ лучшіе образцы специальной малорусской формы народной поэзіи кобзарскихъ *думъ*. Думы эти возникли и развились въ тотъ періодъ, когда явно выступили характеристическія черты малорусской народности ¹⁾. Любопытно,

¹⁾ Первое упоминаніе о нихъ находимъ у польскаго историка Сарницкаго изъ начала XVI в., а именно въ его *Annales, sive de origine*

что лучшіе образцы думъ относятся къ явленіямъ борьбы за два послѣдовательно возникшіе интересы народа: 1) оградить себя и свою землю отъ простѣйшей, грубѣйшей формы эксплуатаціи ихъ чужими, Турками и Татарами, эксплуатаціи международной, въ видѣ захвата въ рабство въ плѣну; 2) оградить себя отъ эксплуатаціи болѣе сложной, въ своей землѣ, чужими, засѣвшими въ этой землѣ, Поляками (жолнерами и шляхтою) и евреями, и своими, превращавшимися въ польскую шляхту,—т. е. отъ эксплуатаціи внутренней, національно-сословной. Лучшая дума дальнѣйшей эпохи тѣсно примыкаетъ къ этимъ послѣднимъ: это дума о томъ, какъ запорожскій гетманъ, представитель *голоты*, Ганджа Андыберъ, побилъ гордыхъ *дуковъ-сребляниковъ*, дума, изображающая реакцію козацкой массы противъ своей старшины, которая начала выдѣляться въ привилегированное сословіе и вмѣстѣ съ тѣмъ терять и черты народности. Такъ какъ эта новая реакція противъ внутренней сословной эксплуатаціи должна была идти противъ людей одной съ массою вѣры и сначала одного языка, то и не приняла того широкаго характера, какимъ отличалась прежняя, а потому, можетъ быть, не дала такого количества думъ, какъ прежнія, противутурецкая и противупольская. Къ тому же въ скоромъ времени Малороссія явилась теперь раздѣленною.

et gestis polonorum et lituanorum (1587), VII, p. 379 подъ 1506 г. читаемъ: Per idem tempus duo Strussii fratres adolescentes strenui et bellicosi, a Valachis oppressi occubuerunt. De quibus etiam nure elegiae, gua *Dumas russi vocant*, canuntur, voce lugubri. et gestu canentium se in utramque partem motantium id, quod canitur, exprimentes; quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit.